

Twig

Арка первая: Прополка

Глава седьмая: Сея сомнения.

- Лови, – сказала Мэри.

Что-то полетело в меня. Я не разглядел в темноте, и оно отскочило от двери возле моей головы.

Я определил, куда оно отскочило, и подобрал это. Я не мог увидеть, но форму я прощупал. Ключ.

- Не оборачиваясь, запри дверь. Если она откроется или ты попробуешь что-нибудь провернуть, я выстрелю.

Я сделал, как она приказала.

- Как-то слишком быстро, – сказала она. – Встань спиной к двери. Подёргай ручку.

Я послушался, повернул ручку в сторону, потянул за дверь, повернул ручку до упора и снова потянул её. Дверь ударялась о раму.

- Я ошиблась, – сказала она. – Брось мне ключ.

Я бросил.

В отличие от меня, ей удалось его поймать, но у неё было преимущество света из печи. Она подняла его на свет, рассмотрела.

Пока она не смотрела на меня прямо, я осмотрел комнату. В дальнем конце комнаты был верстак с инструментами, и она сидела на его углу, ноги болтались и не доходили до пола. На ней не было её формы, она была в свитере, плаще и капюшоне, и юбке с чулками и сапогами. Пистолет был у неё на коленях, указывал на меня. В пределах её досягаемости было и другое оружие; топор, молот и нож, которые она, вероятно, планировала использовать, если до того дойдёт.

Рядом со мной, напротив, не было ничего существенного. Я был некомфортно близко к печи, но отверстия в крышке смотрели не на меня, поэтому я получал тепло, но оставался без выгоды – света, который лёг в комнате несколькими линиями. Пространство вокруг печи было чистым, поэтому огню было не распространиться. Угольное чудовище. В углу была куча топлива, и раздвижная дверь для подачи угля.

Мы высказывали наши подозрения о том, что они займутся нами, а затем исчезнут, чтобы закончить свои миссии. Её путь отступления я начинаю ощущать.

Я начал скользить к полу.

- Что ты делаешь? – Спросила она. – Остановись.

Я остановился на полпути, ноги согнуты, спиной прислонился к двери.

– Я сажусь, – сказал я.

– Я не верю ничему, из того, что ты делаешь. Определённо не этому, – сказала она мне. Её формулировка была определённо хорошей. Очень правильная, провозглашающая её девочкой, воспитанной лучшими учителями.

– Ты ясно дала понять, что я умру, – сказал я, держась в той же позиции. – Я не ожидал этого так скоро, но я всегда знал, что это произойдет. Если есть шанс умереть сидя, сразу после интересного разговора, я считаю это довольно хорошим концом.

Она покачала головой, и свет от огня затанцевал на её лице. – Это не разговор. Это допрос.

– Теперь я ошибся.

Мне показалось, что её выражение лица изменилось. Нахмурилась.

Она поняла, что я ей подражаю? Знает ли она, что такое подражание?

– Могу я сесть? – спросил я.

– Ноги отдельно друг от друга, руки, так, чтобы я могла их видеть, – сказала она.

Я повиновался, но не упал на пол. – Но могу я сесть?

– Это подразумевалось. Спиной к двери, пожалуйста.

– Подразумевать опасно, когда на тебя направлен пистолет, – сказал я и скользнул вниз, держа руки поднятыми. Я положил запястья на колени, ладонями к ней, пальцы раздвинул.

Я потратил ещё секунду, расположил плечи удобнее.

Она ничего не сказала и ничего не сделала. Осталась в тени.

– Жёстко, – прокомментировал я. – Просто я провёл три часа, или вроде того, сидя на кровати. У меня была готова ловушка, я собирался обрушить её на того, кто пройдёт через дверь. Не ожидал, что это будет Эд.

– Он был цел, – заметила Мэри.

– По той же причине я не сказал ему, что ты такое на самом деле. Никакого прока, только его смерть. Если бы это и сработало, я бы всё равно остался в хреновом положении. Кот выпрыгнул из мешка.

– Ты очень спокоен, Сильвестр, – сказала Мэри, резко изменив тему. – Почему?

– Как я уже сказал, я не слишком удивлен своей смерти. Знаешь, около недели назад...

– Не тани время, – сказала она мне.

– Это важно, я обещаю, – заверил я. Несколько секунд прошли в тишине. Я снова начал: – Около недели назад профессор Хайле из отделения неврологии Академии отвез в Академию меня. Знаешь почему?

- Продолжай, Сильвестр, - сказала она. - Не задавай мне вопросов, пытаясь выжать из меня информацию.

- Будь ты действительно милостива, ты бы ответила мне. Это какая-то пытка, отправить меня в могилу без ответов.

- Я предложила это только потому, что не собираюсь давать тебе ничего иного в обмен на информацию, - сказала мне Мэри. - Ты продолжишь?

Я вздохнул.

- Я был ранен. Я специально ранил себя, умудрился попасть в карету профессора Хайле и прогнать его из неё, чтобы мне удалось взглянуть в файлы. На меня, на Гордона, на Хелен, Джейми, Лилиан и Иветт.

Ни в её лице, ни в её языке тела ничего не изменилось.

Она не знала? Разве она не знала, что это не настоящий состав группы? У них не было подробностей? Или она настолько хорошо скрывала свою реакцию?

Я должен предположить, что она всё знает, и не пытаться свою удачу, пока она не прострелила мне ногу.

- Проблем было немало, но была причина, по которой я зашёл так далеко. Мне нужно было выяснить, что они нам не говорят. Я хотел узнать, как долго по их ожиданиям мы протянем.

- Протяните?

- Ожидаемая продолжительность жизни. Или проекта. Больше славы в освоении нового, чем в изменении чужой работы, и вся установка Академии связана с инновациями больше, чем с хорошими результатами. И мы жертвы этого.

- Ты и остальные, - сказала Мэри.

- Мы, Мэри, - возразил я и наклонил голову, пока угол света от огня не был достаточно ярким в моих глазах. Я не очень хорошо видел её, но знал, что она увидит отражение. - Ты тоже.

- Мы говорим не обо мне, - сказала она. - Продолжай.

Я откинул голову назад, пожав плечами. - Большинство из нас не доживут и до двадцати. Не учитывая внешнее вмешательство.

Мои руки сдвинулись и указали на неё, внешнее вмешательство.

- Меня не заботит ваша ожидаемая продолжительность жизни. Я точно знаю, когда ты умрёшь.

- Я даже не сказал остальным, - сказал я. - Пообещал Гордону, что сообщу позже, но возможности всё не появлялось. Как можно сказать кому-то...

- Сильвестр, - грубо сказала Мэри.

- Ладно. Ладно. Новые проекты. Ты знаешь, как отделы распределяют бюджет для различных

мер? Мы получили финансирование как специальный проект. Получили больше, чем некоторые. Шесть отдельных случаев, каждый из которых с совершенно иным подходом. Если хочешь знать, против чего выступаешь, то это всё. Мне не нравится профессор Хайле, но он дал нам деньги, и он пошёл на риск. Более долгосрочный подход, чем некоторые другие особые проекты, и менее чем двадцать лет, до того, как большинство из нас выдохнутся, это о чём-то да говорит.

– Детали.

Я пожал плечами. – В других проектах есть несколько больших имен. Знаешь доктора Иботта? Конечно ты знаешь Иботта.

– Подробности о тебе и твоей группе. Пожалуйста, не испытывай меня, Сильвестр.

– Хайле борется за то, чтобы держать свой отдел на плаву, в то время как другие получают регулярные инъекции денег, чтобы продолжать инновации. Он получает много критики, потому что в этот век инноваций и немедленных результатов у нас уходит слишком много времени на то, чтобы достичь чего-то, что можно показать. Это их слово, «показать». Если правильно его произнести, то можно за ним и 'чудовище' укрыть.

Я улыбнулся, а Мэри не казалась хоть сколько-нибудь удивлённой.

– Мы должны развиться во что-то чудовищное с течением времени. Большинство из нас. Каждый член группы со своей ролью, определенной личностью и определенным набором навыков, созданных с использованием совершенно различных подходов. То, с чем ты имеешь дело... мы хороши, но мы этого ещё не достигли.

– Определённой личностью, – вторит мне Мэри. – Ты назвал себя злодеем, ещё в столовой.

– Я – чёрная овца, ну или чёрный баран, Мэри. Гордон – талантливый герой, Хелен – актриса, Джейми – книжный червь и хранитель записей, Иветт – решение проблем, она выходит из тени, чтобы ответить на вопросы и решить всё одним махом, а Лилиан – ученица на грани становления учителем, чтобы, в конце концов, стать мастером, превзойдя профессоров в их сфере Академии наук. Я? Я всего лишь ублюдок.

Резкие контрасты между светом и тенью обманули меня или выражение Мэри изменилось?

Прости, Иветт. Я бы хотел, чтобы ты была с нами, в этой роли, если ни в какой-нибудь иной. Фантомный враг, о котором они ничего не знают.

– Было умно отправиться за мной. Идти за слабым звеном. Хороший у тебя инстинкт.

– Что-то говорит мне, что ты не слабое звено, Сильвестр.

Я пожал плечами. – Мы противоположны, не так ли?

– Противоположны?

– Я должен закрывать пробелы других. Ты... ты очень специализированна. Ты была готова к одной задаче. Всё остальное – второстепенно. Я сделан, чтобы быть частью сложного целого. Ты... ты воспользовалась теми мальчиками, но их у тебя нет. Нет поддержки. Ты среди таких же, как ты, но ты одна.

Мои глаза приспосабливались к мраку. Она не двигалась. Обе руки сжимали пистолет.

У неё не двинулся и волосок. Только языки пламени двигали по ней лучи света.

– Ты меня не знаешь, – сказала она.

Наш диалог достиг глубины, я почувствовал её. Раньше мне, наверное, приходилось гадать. Теперь я подозревал, что отсутствия движений были волевыми. Она очень старалась не давать мне никакой информации.

Я пожал плечами. – Я знаю больше, чем ты думаешь. Ты не доверяешь своим... должен ли я называть их братьями по эксперименту?

– Я думаю, что ты пытаешься наложить на меня свой собственный опыт.

– Думаешь ли? Если ты думаешь, что я не доверяю остальным из нас свою жизнь, то ты ошибаешься настолько, насколько это вообще возможно, – сказал я и сжал руки, разминая тыльные стороны ладоней пальцами, чтобы они захрустели. Она настороже, это отвлечёт её, заставит её разделить внимание между слежением и прислушиванием. – С другой стороны, ты параноик. Чрезвычайно осторожна. Заперла дверь, приняла дополнительные меры, держишь больше оружия, чем помещается в руки. Ты сделала мальчиков частью своего плана, но ты не доверила им свой тыл.

– Ты продолжаешь это говорить. 'Мальчики'. Я знаю, что ты пытаешься заставить меня что-то упустить. Продолжай пытаться и...

– Чушь, – прервал я её. – Хочешь узнать, как мы работаем? Это лишь часть. Всё, что делаешь ты, даже это? Мы можем собрать всё по частям и распутать. Мы можем разделить и разгадать. В каждом действии, которое ты принимаешь, ты, так или иначе, участвуешь. Нет другой девушки. Мальчики были группой. Эд сказал, что они отвлекут любого, кто пойдёт по коридору. Они, множественное число.

– Друзья Эда, имеешь в виду?

Я покачал головой. – Эд и его самые близкие приятели не сидели с нами за обедом. Остальные, вроде Гордона, не станут делать что-то подобное. Они были твоими братьями по эксперименту. Мальчики. Они работают как группа. Но пока они разделяют между собой задачу отвлечения внимания, с тобой нет никого. Будь ты готова разобраться с неизвестным количеством целей, с тобой, в тени, стояла бы ещё одна девочка, готовая сбежать тем же маршрутом.

Я указал на закрытую воронку рядом с ней.

– Ты показала себя, действовала индивидуально, принимала решения. Ты показала это, пока занималась делом, когда сказала, чтобы мы наслаждались едой. Это говорит мне, что ты сделала это добровольно, чтобы выделиться. В этой истории нет другой девушки. Ты одинока, Мэри Элизабет Кобурн, и ты это знаешь.

Она посмотрела на пистолет. – Мне кажется, я хочу выстрелить.

– Это напомнило мне кое о чём, ну, твоё неожиданное желание выстрелить в меня. Когда сделаешь это, можешь сделать мне одолжение? Выстрелишь в сердце?

Она посмотрела на меня.

- Я всегда думал, что моя голова уйдёт первой. Я бы хотел оставить это на волю судьбы.

- Не зная, кто ты, я не уверена, что готова рискнуть. Насколько я знаю, тебя они вырастили в пробирке.

- Я настоящий. Рождённый женщиной, - сказал я. - Корректировка сделана после, поэтому моя голова работает несколько иначе. Выстрел в сердце убьёт меня. Но, может быть, выстрелишь в сердце и понаблюдаешь, как я умираю, а потом закончишь выстрелом в голову? Как один эксперимент другому, я был бы очень признателен.

- Ты убеждённый в предопределённости маленький говнюк, не так ли? Это действительно не постановка, а?

- Я уже говорил, что мы противоположны. Даже наши позиции создают довольно хороший контраст. Ты сверху, вооружена до зубов. Я внизу. Поджариваюсь. Моя слабость - моя голова. Твоя...

- Меня это поражает, - сказала она, прервав меня, удивляясь собственному удивлению в голосе. - Я сижу здесь, и мне кажется, что меня допрашивают. В течение прошлых минут или двух мы едва говорили о тебе что-то хоть сколько-нибудь важное.

Это было прозрение, которое должно сопровождаться нажатием на курок.

Я надеялся подводить к этому дольше, но...

- Будь я им, я бы сказал тебе, что ты особенная, - сказал я.

Она не нажала на курок.

- Тебе не нужно ничего говорить, - сказал я, даже опустил голову, чтобы посмотреть на пол, дабы ей не пришлось беспокоиться о том, не изучаю ли я её. - Я просто буду говорить вслух. Ты одна. Ты достаточно умна, и у тебя достаточно свободы, чтобы ты знала, что случилось с твоими предшественниками. Слухи обошли школу, и ты показала, что способна соединить точки.

Я продолжил: - Это оставляет вопрос. Как он удерживает тебя? Как он убеждает тебя, что ты в безопасности, что ты не пойдёшь по тому же пути, что остальные? Моя мысль состоит в том, что он говорит тебе, что ты единственная успешная из всех попыток. Это, помимо всего прочего, он заправляет тем, что убей ты своих родителей, и никто не станет тебя подозревать, сироту. Ты получишь наследство, и всё закончится счастьем.

Выстрела всё нет.

- Ты поверила ему. И всё ещё веришь, потому что у тебя нет иного выбора, только столкнуться с мрачной реальностью. С реальностью, что твоя продолжительность жизни измеряется в часах. Он говорит тебе сделать всё возможное, чтобы разобраться с нами, как можно осторожнее, а затем разобраться с родителями. Рвотное могло быть его идеей, но всё это, затащить меня в эту комнату и зажечь печь, всё очень хорошо проделано, ты приложила к этому усилие. Ты приложишь усилие к устранению своих родителей...

Я приостановился.

Ты прилагаешь усилия, потому что думаешь, что он тебя похвалит. Ты станешь его триумфом. Его девочкой. Ты любишь его как родителя или кого угодного иного, кто ведёт тебя во взрослую жизнь.

В этом отношении мы тоже противоположны. Ты любишь своего создателя.

– ... И ты окажешься в точно такой же ситуации, как и остальные; не в состоянии двигаться, пока семейный дом горит вокруг тебя, – сказал я. Нападение на её отношения с кукловодом могут оставить меня с пулей в теле. Я поднял голову, чтобы посмотреть на неё. Я не мог разглядеть её лицо во мраке. – Как он это делает, Мэри?

– Я думала, что мне не нужно ничего говорить, – сказала она.

В её голосе не было интонации, как иногда бывает у Хелен.

Я неправильно понял?

– Я пытаюсь помочь тебе, ты, глупая маленькая дура! – сказал я, снова сжимая кулаки. – Он сделал что-то, что сделало тебя остроумнее, что-то, что вложило идеи в твою голову, заставил тебя пойти по пути, который он выбрал. Я хочу понять, чтобы помешать тебе спрыгнуть с обрыва, который ждёт тебя в конце!

– Кажется, ты что-то забываешь, Сильвестр, – сказала она и спрыгнула с края верстака, свободной рукой поправив платье и прикрепив плащ к плечу. Пистолет никогда не сходил с меня. – Ты же не думаешь, что если продолжишь повторять «о, я умру, я умру, ты меня убьешь», будто это неважно, то я потеряю бдительность, и тебе удастся повернуть это? Начать говорить о том, как я передумую и позволю тебе выжить, а затем изменю свой ход мыслей?

– Нет, на самом деле ты полностью ошибаешься, – сказал я. – Я действительно этого не делал. Но это говорит о том, что ты так думала. Эту идею ты получила от него? Так он думает и на это он обращает внимание?

Она покачала головой.

Но это не было покачиванием отрицания.

Мэри теряла веру. Если я и мог как-то удержать её от приближения ко мне и нажатия на курок, то только дать ей, за что держаться.

– Ты права, я допрашивал тебя. Думал вслух и наблюдал за твоей реакцией. Я считаю, что ты заботаешься о нём, и ты хочешь сделать это прямо здесь, для него. Я могу дать тебе то, что ты хочешь.

Я считаю, что ты заботаешься о нём. Если в своём сердце она была человеком, чьи чувства были под замком и наконец был найден ключ.

– Пулю в твою голову? Чистое устранение? – спросила она. – Хорошо проделанную работу?

– Я не скажу тебе, где Иветт. Но я могу сказать тебе, за кем следует следить. Ты можешь сказать ему, и он будет доволен. Тобой.

Она взяла пистолет двумя руками, нацелилась мне в грудь.

Просто показуха.

Ни за что она теперь не выстрелит.

Я решил ударить сильнее. – У меня есть условие.

Она рассмеялась. Полностью контролируемый смех.

– Не возвращайся домой. Не иди к родителям. Если я прав, то ты обнаружишь, что вся работа проделанная кукловодом доведена до автоматизма. Ты увидишь их лица, и сразу станешь как сшитый, твои движения станут очень ограниченными, но остроумие, доставшееся от кукловода, останется. Казнишь маму, казнишь папу, а затем сожжешь себя вместе со всеми уликами. Если я ошибаюсь, ты ничего не потеряешь. Ты можешь взять информацию, которую я тебе дал, можешь сообщить подробности кукловоду, получить редкий комплимент, который так много значит для тебя, а затем убить своих родителей, на следующий день.

– Отсрочка даст вам возможность действовать против нас. Если я свяжусь с ним, у вас будет шанс его узнать. Мной не так легко манипулировать.

– Нет, не легко, – согласился я. – Но ты ошибаешься в моих мотивах. Несколько лет назад, в начале моего становления Сильвестром, я украл свой файл. Я узнал о сроке жизни. Это было настолько обыденно, просто строка в документах, идущих с экспериментом. Я решил, что посвящу себя помощи другим. Если я смогу удержать их в живых дольше или поддержать их, я сделаю это. Но я считаю, что лучше всего доказать, что секретный проект профессора Хайле был успешным. Потому что тогда они захотят сохранить нас в живых, они посвятят нам больше.

– И как это связано?

– Ты похожа на других. На меня, хотя мы и противоположны. Я хочу, чтобы ты оставалась живой, потому что ты мне близка. Не родственник, но птица того же пера. Твой успех – наш успех, даже если мы находимся на противоположных сторонах. Даже успех кукловода, в какой-то мере.

– Я начинаю жалеть, что вообще позволила тебе говорить.

– Потому что я попал в точку? – спросил я, надеясь.

– Потому что это самый большой груз дерьма, который я когда-либо слышала, – сказала она.

Уткнувшись затылком в дверь, я слышал шаги. Тяжелые, бег.

Нет! – подумал я, ни на мгновение не изменив выражение своего лица.

Не сейчас, проклятый ты идиот. Ты вынудишь её пристрелить меня.

Шаги отдалялись Неправильное направление. Я сопротивлялся желанию вздохнуть с облегчением.

Теперь меня заставили спешить. Я не мог удержать её, предложить ей приманку так, чтобы она не нажала на курок.

– Гордон – это за ним тебе следует следить. Исследование? Этому он всё ещё учится. Исполнение, маскировка, проникновение? С третьим у него всё в порядке, с точки зрения чистой ловкости и способности достигать мест, но остальное – стороны, которые ему нужно

укрепить. Но когда они выяснят, кто такой кукловод, то у них будет только Гордон, чтобы справиться с этим человеком. Можешь рассказать кукловоду.

– Предполагаешь, что я ему хоть что-то скажу.

Ты должна, – подумал я. – Иветт, как неизвестная, слишком опасна.

– Если только ты ему что-то расскажешь, да, – согласился я.

Шаги возобновились. Раздался голос.

Гордон был слишком быстрым, а остальные были у лестницы.

Ради бога, будь хотя бы тише.

Я услышал восклицание, быстрое и более спокойное, чем предыдущее. Затем тишина.

Они увидели свет из печи под дверью, или что-то услышали.

Теперь они шли.

– Делай, что должна, – сказал я. – Но знай, что бы ты ни сделала, как только ты вернёшься домой, чтобы выполнить свой последний приказ, ты станешь просто цифрой для кукловода, и не более того. Ты вернёшься к инструкциям, которые он дал тебе, и посреди этого ты будешь совершенно и полностью одинока.

Выражение её лица стало холодным. Сердитым. Глаза убийцы. Я поверил, что в ней не было ни малейшей капли милосердия, когда всё пришло к этому. В её мире была только она и её создатель.

– Тем временем, Мэри, имей в виду, что есть ещё такие как ты. Включая меня, по крайней мере, пока ты не нажмешь на курок.

Лучшим способом лгать было верить в ложь. Не то, чтобы я лгал, но идея была связана со следующей.

Лучший способ удивить кого-то – удивиться самому.

Дверь вырвалась в комнату с силой, которая послала меня с моего места, у её основания, в центр комнаты.

Гордон отодвинул в сторону остатки двери. По тому, как он держал свою руку, казалось, что он вывихнул плечо.

Мэри, удерживая пистолет, на мгновение остановилась, решая между мной, лежащим в двух шагах от неё и мальчиком, который был в два раза больше неё и, по-видимому, оказался способен пробить собой дверь.

Она решила в то же мгновение, в которое Гордон сдвинулся. Пистолет повернулся на него, и он бросился к промежутку между стеной и печью. Пуля мелькнула и врезалась в край печи.

Она сделала пять выстрелов, а затем нацелилась на меня. Я закрыл лицо руками.

Я услышал выстрел, но не почувствовал его.

Она подошла к столу, чтобы схватить топор, и двинулась ко мне.

Собирается взять меня в заложники с топором? Она была достаточно осторожна, чтобы заранее заострить его.

Это было бы идеально для неё, но другие не позволят этого. Но было и преимущество у действий в одиночку, полагаю.

Я указал на Гордона.

Он уже выходил из-за печи. Она бросила своё оружие в него, мастерским движением, выпустив ручку так, чтобы топор полетел вращаясь. Гордон вновь нырнул за печку, а топор угодил туда, где мгновение назад была его голова.

Она перепрыгнула мои ноги по дороге в угольный желоб, открыв его крышку.

Гордон пошёл дальше.

Я слышал скрежет.

– Нет! – воскликнул я. Не логично, но только на это оказался способен мой мозг в данный момент.

Гордон остановился.

В воронке появился огонь.

Наш золотой мальчик ударил крышку, прежде чем огонь коснулся кучи угля у основания желоба.

Позволив Мэри совершить свой хорошо спланированный побег.

Я позволил своей голове опуститься на пол. Надо мной, в дверях, я видел, как остальные стояли по обеим сторонам двери, вглядываясь в комнату.

– Что ты от неё узнал? – Спросила Хелен.

– Как ты, Сай? – спросил я, добавив в голос немало сарказма: – Как ты это сделал, Сай? Ты в порядке?

– Ты в порядке? – Спросила она.

– Да.

– Что ты от неё узнал? – спросила она снова.

Я вздохнул.

Гордон протянул мне руку, чтобы помочь подняться на ноги.

– Я думаю, что она выросла в пробирке, – сказал я. – Когда я надавил, первым, что появилось в её голове, было выращивание в пробирке. Вот на это я и ставлю.

– Из пробирки? – спросил Гордон. – С нуля? Нет, это было бы почти невозможно, если они

должны были заменять детей.

Я кивнул. – Клоны. Возможно, с имплантированным поведением. Наверное, что-то заткнуто, чтобы запечатлеть их создателя и отменить типичную любовь к своим родителям.

– Мы можем работать с этим в качестве отправной точки, – сказал Джейми.

– У нас много работы, – заметил я, глядя на след на полу, оставшийся после её выстрела в меня.

Слишком далеко, чтобы не быть намеренным промахом.

Автор перевода Vzhiiikk

<http://tl.rulate.ru/book/6109/115856>